

свідомості односельчан, незважаючи на те, що залишається самотнім і незрозумілим у своїх прагненнях і боротьбі.

Отже, поетика малої прози Богдана Лепкого відбиває модерністські тенденції літератури перехідної доби, що зумовлює цікаві експерименти автора не лише із змістовим наповненням творів, але й з сюжетно-композиційною будовою, жанровою формою.

Список використаної літератури

1. Зушман М. Б. Дискурс малої прози Богдана Лепкого та західноукраїнська малоформатна новелістика кінця ХІХ - початку ХХ століття: Дослідження / М. Б. Зушман. – Чернівці : Чернівецький нац. ун-т, 2013. – 130 с.
2. Зушман М. Б. Мала проза Богдана Лепкого в контексті західноукраїнської новелістики кінця ХІХ – початку ХХ століття: автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.01.01 / М. Б. Зушман. – Кіровоград, 2007. – 19 с.
3. Кордонець О. А. Лірико-імпресіоністична проза Богдана Лепкого: автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.01.01 / О. А. Кордонець. – Івано-Франківськ, 2009. – 18 с.
4. Назаревич Л. Т. Екзистенційність як філософська та художньо-естетична домінанта української малої прози кінця ХІХ – початку ХХ ст.: автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.01.06 / Л. Т. Назаревич. – Тернопіль, 2008. - 20 с.
5. Лепкий Б. С. Твори: У 2-х т. / [упоряд., автор вступ. статті та приміток М. М. Ільницький] / Богдан Лепкий – Т. 1 : Поезія. Оповідання і нариси. Історичні повісті. – К. : Дніпро, 1991. – 862 с.
6. Лепкий Б. С. Твори: У 2-х т. / [упоряд., автор вступ. статті та приміток Ф. Погребенник] / Богдан Лепкий – Т. 1 : Поетичні твори. Прозові твори. Мемуари. – К. : Наукова думка, 1997. – 847 с.
7. Ткачук М. Модерністський дискурс лірики та новел Б. Лепкого / М. Ткачук. – Тернопіль : Видавництво Тернопільського педагогічного університету, 2005. – 127 с.

Евгения Митева

РОЛЬ БИОГРАФИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА В МИФЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ О СЕРГЕЕ ЭФРОНЕ В СТИХОТВОРЕНИИ «ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ, КАК ДНИ ПРОХОДЯТ...»

Актуальность исследования объясняется интересом современных литературоведов к осмыслению феномена авторского мифа поэтов серебряного века. Цветаевская лирика 1910-х годов, обращённая к С. Эфрону, представляется интересной также в аспекте именно изучения авторского мифа поэтессы.

Цель данной статьи – выявление интертекстуальных и биографических пластов в цветаевском мифе 1910-х годов о Сергее Эфроне на примере стихотворения «Хочешь знать, как дни проходят...».

В творчестве М. Цветаевой довольно значительная часть лирики посвящена Сергею Эфрону. Образ мужа занимает важное место в авторском мире поэтессы. Авторский миф М. Цветаевой об С. Эфроне неизменно связан с концептом «рыцарство» и рыцарской

тематикой в целом. Интерпретируя представление о рыцарстве, М. Цветаева соотносит его со своим авторским мифом о Сергее Эфроне.

Стихотворение «Хочешь знать, как дни проходят», написанное в ноябре 1919 года, входит в сборник «Лебединый стан». Биографические и историософские факторы мифологизируются М. Цветаевой:

*Хочешь знать, как дни проходят,
Дни мои в стране обид?
Две руки пилюю водят,
Сердце – имя говорит.*

*Эх! Прошел бы ты по дому –
Знал бы! Так в ночи пою,
Точно по чему другому –
Не по дереву – пилю.*

*И чюдят, чюдят пилюю
Руки – вольные досель.
И метет, метет метлою
Богородица-Метель.*

Дискурс лирической героини задаёт тон исповедальности. Характерно, что топос, с которым лирическая героиня связана, обозначен как «страна обид». Ведь это голодное время заставит выбирать между дочерьми. Известно, что 27 ноября 1919 года М. Цветаева, мотивируя свой поступок необходимостью для дочерей, помещает Алю и Ирину в Кунцевский приют. Это решение оказалось роковым: в приюте умерла Ирина. В одном из писем М. Цветаева писала: «У меня большое горе: умерла в приюте Ирина... И в этом виновата я. Я так была занята Алиной болезнью и так боялась ехать в приют, что понадеялась на судьбу...» [11, т. 6, 153]. Тяжесть потрясения, чувство вины перед младшей дочерью, порождает внутреннюю необходимость исповеди.

Кроме исповедального характера стихотворение представляет своего рода хронику жизни. М. Цветаева так описывает свой день в то время: «Мой день: встаю – холод – лужи – пыль от пилы – ведра – кувшины – тряпки – везде детские платья и рубашки. Пилю. Топлю. Мою в ледяной воде картошку... Потом уборка... потом стирка, мытье посуды. Маршрут: в детский сад, оттуда в Пражскую столовую (на карточку от сапожников), из Пражской к бывшему Генералову – не дают ли хлеб – оттуда опять в детский сад, за обедом, – оттуда – по черной лестнице – домой. Сразу к печке. Угли еще тлеют. Раздуваю. Разогреваю. Все обеды – в одну кастрюльку: суп вроде каши... Кормлю и укладываю Ирину... Кипячу кофе. Пью. Курю... В 10 часов день кончен. Иногда пилю и рублю на завтра. В 11 часов или в 12 часов я тоже в постель. Счастлива лампочкой у самой подушки, тишиной, тетрадкой, папиросой, иногда – хлебом...» [11, т. 6, 87]. Тяжелый труд, который необходимо выполнять, быт становятся воплощением своего рода пространства ада для лирической героини, соотносимой в подтексте с самой поэтессой.

Стихотворение «Хочешь знать, как дни проходят» обращено к человеку, который в сознании поэтессы соотносится с представлениями о рыцарстве и вместе с тем также тяжело переживает смерть дочери. Биографический фактор отсутствия супруга из-за участия в гражданской войне делает его сопричастным к рыцарству. С. А. Фокина отмечает: «обыгрывание рыцарской доблести наиболее частотно соотносится с темой Сергея Эфрона...

Рыцарь предстает в ипостасях юноши, воина, ангела-хранителя» [9, 317]. В цветаевской интерпретации Сергей Эфрон отправился на фронт в попытке обрести что-то потерянное, а главное, с целью защитить прежний мир, подобно рыцарским поискам священного Грааля.

Интересно, что в рыцарской культуре «отличительной чертой было чувство братства» [6, 446], любви и взаимоподдержки. На этой основе и выстраивался «рыцарский идеал, устремленный к благородному образу человеческого совершенства, родственного греческой калокагатии» [10, 129]. Поэтесса осмысляет свои взаимоотношения с мужем через семиосферу рыцарского кодекса, которому свойственны самопожертвование и героизм. М. Цветаева писала: «Там у меня – ты знаешь? – белый лебедь... Ангел, Воин, Сережа – любимый – тоска по нему, страх за него сплетаются с тоской и страхом за Россию, за Белое дело» [12, 326]. Рыцарь лебедя – Лознгрин, герой многих рыцарских романов. Лознгрин, «принявший имя «Рыцарь лебедя» подчеркивает свою анонимность и псевдонимность одновременно» [10, 686]. Образ лебедя возникает неспроста, ведь лебедь – символ благородства, морального совершенства и чистоты. Именно таким в авторском мифе Цветаевой предстает образ любимого: благородным, смиренным, честным и неизменно храбрым.

*Две руки пилюю водят,
Сердце – имя говорит.*

М. Цветаевой акцентируется духовная связь с адресатом. Сердце как «символический источник переживаний – любви, радости или горя» [7, 147] приравнивается к душе. Сердце постоянно произносит имя дорогого человека. Повторение этого имени предстает как некая заклинательная формула.

*Эх! Прошел бы ты по дому –
Знал бы! Так в ночи пою,
Точно по чему другому –
Не по дереву – пилю.*

В этой строфе пение, с одной стороны, приближается к молитве, ведь «оплакать всех она считает своим долгом» [12, 327]. Всё происходящее оставляет раны на сердце («Точно по чему другому – / Не по дереву пилю»). Кроме того, пение («Так в ночи пою...») позволяет соотнести лирическую героиню с птицей. Сама Цветаева определяла свою творческую идентичность таким образом:

*Бог меня одну поставил
Посреди большого света.
– Ты не женщина, а птица,
Посему –летай и пой.
(«Поступь легкая моя...»)*

1 ноября 1918[11, т. 1, с. 306].

«Птица», с которой идентифицирует себя М. Цветаева, имеет в ее образном словаре этого времени два варианта: мифологическая «Птица-Феникс» и Психея [См. 2]. Таким образом, пение – это знак поэта. Поэт – это тот, кто познает непостижимое, проникает в трансцендентное.

Образ лирической героини можно соотнести и с образом Ярославны. «Лирическое «я» «Лебединого Стана» трансформируется: не Марина Цветаева скорбит и томится

неизвестностью о муже, но Ярославна оплакивает Русь и русское воинство...» [12, 327]. Именно в плаче они могут излить своё горе и страдания. Таким образом, ситуация оплакивания становится трансформацией воспевания и свидетельствует об очередной модификации рыцарской парадигмы. Лирическая героиня, примеряя на себе маску Прекрасной Дамы, оплакивает рыцаря.

Показательно и то, что в начале «Слова о полку Игореве» есть упоминание о лебедях:

*И на стадо лебедей чуть свет
Выпускал он соколов десяток.*

По замечанию М. Мейкина образ лебедя – мишени для соколиного охотника – у М. Цветаевой столь же неоднозначен, как в древнем «Слове»: он подчеркивает слабость, а равно и благородство белых [5, 47–48]. Образ лебедя наполнен также символикой невинности и одновременно храбрости.

*И чюдят, чюдят пилюю
Руки – вольные досель.
И метет, метет метлою
Богородица-Метель.*

Мотив оплакивания акцентирует налагаемое наказание. Руки лирической героини не могут писать, ибо они заняты непосильной работой. В культуре руки признают «самым умным органом, говорящим символическим языком. Они жалуются, плачут, проклинают, бьют, ласкают» [1, 425]. Кроме того, руки выступают и аналогом крыльев. Крылья в авторском мифе М. Цветаевой неизменно знак поэтического вдохновения.

Метла, упоминаемая в стихотворении, как «скромная принадлежность домашнего обихода наделялась значительной магической силой» [7, 102]. В контексте данного стихотворения метла оказывается волшебным помощником и выступает как средство, которое будто «выметает» грехи. Этот процесс способствует очищению и даёт лирической героине некое освобождение. Произведения можно расценивать как метафору века.

Значимым оказывается и образ Богородицы-Метели (И метёт, метёт метлою / Богородица-Метель). Для М. Цветаевой, «кружение, метель – это предчувствие беды, трагедии» [4, 175]. Процесс «выметания» грехов способствует возникновению особого состояния – катарсиса, когда душа очищается от всего плохого. Такое состояние может достигаться в процессе исповеди. Откровенность лирической героини в этом стихотворении очень близка к исповедальности. Лирический голос М. Цветаевой достигает трагического звучания и проносится открыто, искренне. Кроме того, в образе метели можно усмотреть скрытое отождествление себя с ней. Важно и то, что образ Богородицы возникает в тексте, посвящённом С. Эфрону. В более раннем стихотворении «Семь мечей пронзали сердце» (1918) для авторского мифа поэтессы важны ипостаси Богородицы и Иисуса Христа, трансформирующие цветаевскую модель рыцарства и выделяющие материнское начало. Поэтессой «воссоздается некая общая ситуация: как Богородица потеряла сына (Сына), так я потеряла того, кто мне дороже сына» [2, 47]. Таким образом, М. Цветаева сравнивала в стихотворении «Семь мечей пронзали сердце» себя с Богородицей и даже ставила свои страдания выше страданий Девы Марии («Семь мечей пронзали сердце / А моё семижды

семью»). Возможно, в анализируемом стихотворении «С. Э.» поэтесса снова отождествляет себя с Богородицей.

Опираясь на биографический контекст, можно проследить различные мнения о реальных взаимоотношениях супругов. В ноябре 1919 года в одном из своих писем Марина Цветаева признается Але: «Только два человека меня по-настоящему любили – Серёжа и ты» [3, 62]. Но и она любила своего супруга, по-своему сильно. Например, «Ариадна Сергеевна защищала точку зрения, согласно которой Марина Цветаева была своему мужу абсолютно верна. Именно эта верность предопределила её дальнейшую судьбу, и та же верность находила свой отклик в творчестве на «политические темы» [3, 67]. Исследователь В. Лосская в своей монографии утверждает, что «Марина его любила, конечно, но когда его не было, влюблялась в других» [3, 58]. По мнению В. Швейцер, «она и Сережа – отдельный мир, со своими клятвами и обязательствами. Кажется, Цветаева таилась в этом главном своем чувстве, хотя в годы революции страх, боль, тоска по мужу были ее постоянными спутниками» [12, 335]. В. Маслова считает, что любовь Цветаевой к Эфрону была искренней и единственной: «Вероятно, самой сильной, а может быть, и единственной вообще была ее любовь к мужу – Сергею Яковлевичу Эфрону»...Так, Сергей Эфрон становится романтическим героем ее стихов. Ему посвящено более двадцати стихотворений – он и Белый Воин, и Белый Лебедь ее «Лебединого стана», «Разлуки», «Ремесла» [4, 49]. Именно поэтому можно говорить о неоднозначности натуры поэтессы и её поступков. Но С. Эфрон, бесспорно, всегда оставался для неё олицетворением благородства, исполненного душевной красоты, и мужества.

Для лирической героини возлюбленный, по которому она томится, – рыцарь, соотносимый в контексте данного стихотворения с С. Эфроном, состоявшим в это время в белогвардейских рядах. Показательно, что М. Цветаева, находившаяся на грани отчаяния, никогда не ставила под сомнение героизм мужа. Также, как и Прекрасная Дама «никогда на усомнилась в героизме рыцаря» [6, с. 446]. Важная особенность, которая «отличает героизм рыцарей – это смирение – добродетель, неизвестная героям древних времен. Воины Креста не тщеславились своими подвигами» [6, 446]. Рыцари действовали и побеждали во имя Бога. Настоящий доблестный рыцарь, всегда один преодолевает опасности, авантюры, кризисы и жизненные трудности.

Подводя итоги, следует отметить, что в данном стихотворении поэтесса снова переосмысляет систему представлений о рыцарстве. Оплакивание становится своего рода воспеванием. В цветаевский миф об С. Эфроне включаются образы Лоэнгрин, лебедя, странствующего рыцаря, а также мотивы жертвенности, благородства и отваги.

Список использованной литературы

1. Андреева В. Руки; Рыцарь / В. Андреева // Энциклопедия. Символы. Знаки. Эмблемы / [авт.-сост. В. Андреева и др.]. – М. : Астрель, АСТ, 2004. – С. 425.
2. Войтехович Р. Марина Цветаева и античность / Р. Войтехович. – М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. – 448 с.
3. Лосская В. Марина Цветаева в жизни / В. Лосская. – М. : Культура и традиции, 1989. – 349 с.
4. Маслова В. А. Поэт и культура : концептосфера Марины Цветаевой : [учеб.пособие] / В. А. Маслова. – М. : Наука, Флинта, 2004. – 256 с.
5. Мейкин М. Марина Цветаева: поэтика усвоения / М. Мейкин. – М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 1997. – 312 с.

6. Руа Ж. Ж. История рыцарства: историческое исследование / Ж. Ж. Руа, Ж. Ф. Мишо. – М. : Эксмо, 2007. – 448 с.
7. Трессидер Дж. Словарь символов [Электронный ресурс] / Дж. Трессидер. – Режим доступа к ист. : <http://read24.ru/pdf/djek-tresidder-slovar-simvolov.html>
8. Фокина С. А. Образ творческой личности в лирических циклах М. Цветаевой 1910–1920–х годов: [учеб. пособие]; [гриф МОН; Лист № 14.1/12-Г-48 від 12.02.2013 р.] / С. А. Фокина. – Одесса: Астропринт, 2013. – 76 с.
9. Фокина С. А. Легенда о рыцаре Брунsvике в творческом осмыслении А. Ирасека и М. Цветаевой / С. А. Фокина // Слов'янський збірник. – 2014. – Вип. 18. – С. 313–321.
10. Хейзинга Й. Гл. 4 : Рыцарская идея / Й. Хейзинга // Осень средневековья. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – С. 114–130.
11. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. / [сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина] / М. Цветаева. – М. : ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997.
12. Швейцер В. Быт и Бытие Марины Цветаевой / В. Швейцер. – М. : Интерпринт, 1992. – 544 с.

Анастасия Печенюк

АВАНГАРДНЫЕ СТРАТЕГИИ В ЛИРИКЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЭТА А. МОРГУНОВА (на материале стихотворения «Овал»)

Актуальность выбранной темы обусловлена интересом современной литературоведческой мысли к осмыслению своеобразия, как авангарда, так и современной поэтической культуры, развивающейся в XXI веке. Актуальным представляется выявление преемственности новейшей поэзии традициям предшествующих поэтических направлений, обусловивших специфику литературного процесса XX века, в том числе и эстетической парадигме, так называемого исторического авангарда.

Целью данной статьи является выявление авангардных стратегий в лирике современного поэта Артема Моргунова на материале стихотворения «Овал».

"Овал"

*Так устал произносить слова.
Жизнь не круг, не спираль, но овал.
Гнусными выдумками подлецов
Гнущее колесо.
Рваная прорисовка.
Битые пиксели.
Выставка! Выставка!
Как бы отсюда выплясать,
Не обидев бездарного портретиста?
Я выдохнул или выдохся?
Высох ли? Вымахал?
Искусство маскировать корысть
В паутине сальных банальностей.*

*Искал постоянства,
Но уже закрепился статус
Нежелательного постояльца.
Устал непрерывно скатываться,
Срывать, дичать под градусом.
Быть хаосом, сердце выпростав.
Я вывалюсь или выстою?
Прошедшее уж не выбелить.
Обманчива вечность выбора.
"Родиться рабом погибнуть", -
Решай же, где быть запятой.
Неважно сколько калибров,
Ведь каждый патрон – холостой.*